

Ли Жун освободился только к девяти вечера. Изначально он планировал остаться в общежитии, чтобы выудить из Хэ Чанфэна ещё немного информации, но, увидев серебряный крестик на шее сокурсника, внезапно передумал. Ему стало лень возвращаться в комнату.

Помедлив у выхода из учебного корпуса, Ли Жун решительно зашагал к воротам и поймал такси. Вернувшись домой, он ввёл код на замке, а когда толкнул дверь, обнаружил, что в гостиной горит свет. Значит, Цэнь Сяо уже вернулся из Девятого района.

Ли Жун отложил сумку с ноутбуком и негромко спросил, обращаясь вглубь квартиры:

— Что у нас на ужин?

Ответа не последовало. В комнатах царил тишина. Юноша замер, а затем стал двигаться почти бесшумно. Он подошёл к спальне и, осторожно повернув ручку, приоткрыл дверь.

В полоске света, падающей из гостиной, он увидел Цэнь Сяо. Тот лежал на боку и спал так глубоко, что даже не пошевелился. Последнее время Цэнь Сяо спал едва ли по пять часов в сутки. Каким бы крепким ни было здоровье, организм не мог долго выдерживать такую нагрузку. Хотя он никогда не жаловался, Ли Жун знал, какой груз ответственности давит на его плечи: соперничество с Ду Минли, попытки добиться пересмотра дела Ли Цинли...

«Сам ведь советовал мне не торопиться и давать себе отдых, — с грустью подумал Ли Жун, качая головой. — А на деле мы из одного теста. Идём к цели, не щадя себя»

Он медленно подошёл к кровати и опустился на корточки, вглядываясь в лицо спящего. Одна рука Цэнь Сяо была спрятана под одеялом, другая небрежно лежала на подушке; пальцы были расслаблены, дыхание — ровным и размеренным.

Ли Жун редко имел возможность вот так спокойно рассматривать Цэнь Сяо во сне. Стоило признать: черты лица, унаследованные от Сяо Мужань, были безупречны. Но хотя Сяо Мужань казалась более нежной, и взгляд её был необычайно мягким, её сын обладал совершенно иной аурой. Он был воплощением остроты, глубины и скрытой мощи, часто излучая ауру, которая заставляла людей невольно признавать его авторитет.

Человеческая натура полна противоречий. Ли Жун порой задумывался: в прошлой жизни он позволил себе втянуться в эти отношения только лишь из-за того, что Цэнь Сяо был так хорош собой? Был ли он на подсознательном уровне очарован его лицом и телом?

Но в конечном счёте его покорило не это. Его покорила готовность Цэнь Сяо отдавать всего себя без остатка. Насколько же нужно быть удачливым, чтобы встретить человека, готового разделить с тобой жизнь и смерть?

Ли Жун поправил свои отросшие волосы, наклонился и едва ощутимо коснулся губами щеки мужчины. Тот даже не шелохнулся.

— Надо же, никакой бдительности, — с тихой усмешкой прошептал Ли Жун.

Он тихо достал из шкафа пижаму и отправился в душ. Через некоторое время, накинув мягкие тапочки и вытирая полотенцем мокрые волосы, он взял толстый том и ушёл в кабинет.

Цэнь Сяо обустроил рабочее место с максимальным комфортом. Широкое рабочее кресло при желании можно было разложить, превратив в полноценную кровать. Ли Жун, когда рядом не было строгой Гу Нун, любил забираться в него с ногами.

Опершись локтем о подлокотник, он принялся листать «Откровение». Книгу он взял в библиотеке, вспомнив, как бабушка когда-то наставляла его, что именно эта часть Писания — самая важная, и её должен знать каждый.

Если Хэ Даюн действительно во всё это верил, то как он понимал сюжет о победе Агнца над Зверем? Считал ли он себя заблудшим христианином, который не устоял перед соблазнами «великого города Вавилона» и был вынужден вести дела со Зверем? Или же он верил, что грешник, решивший однажды встать на путь истинный, будет прощён и спасён вместе с праведниками, чтобы встретить прекрасный новый мир?

Проснувшись, Цэнь Сяо отправился на кухню за водой. Проходя мимо кабинета, он заметил тонкую полоску света под дверью. Кресло внутри едва заметно покачивалось, и в зазоре под подлокотником виднелось колено.

Он бесшумно вошел и мягко обхватил Ли Жуна за плечи со спины. Настольная лампа заливала кабинет нежным светом, подчёркивая профиль юноши. Страницы старой книги казались золотистыми, а чёрные буквы — рельефными. Правая рука Ли Жуна покоилась на развороте; тонкие пальцы перебирали ленту закладки, и в свете лампы кожа казалась почти прозрачной.

Ли Жун только что вышел из ванны: волосы ещё не просохли, а в воздухе витал аромат геля для душа и шампуня. Воротник его пижамы был небрежно расстёгнут, открывая вид на шею и ключицы. Цэнь Сяо, глядя сверху вниз, мог видеть всё. Его ладони медленно скользнули к впадине на шее, кончики пальцев едва касались нежной кожи.

— Почему ты вернулся? — негромко спросил он.

Ли Жун выпрямился, откинув голову на спинку кресла и подставляя шею. Посмотрев на собеседника снизу вверх, он лукаво улыбнулся:

— Вернулся с внезапной проверкой.

Цэнь Сяо тихо рассмеялся. Наклонившись, он запечатлел на губах Ли Жуна поцелуй и с интересом уточнил:

— И как результаты? Ты доволен?

Ли Жун прикрыл глаза, лениво наслаждаясь поцелуем, а затем слегка облизнул губы.

— Вполне.

Ещё минуту назад чтение Библии настраивало его на бесстрастный лад, но стоило раздаться низкому голосу Цэнь Сяо, как в груди вспыхнуло совсем иное чувство. За последние два месяца им катастрофически не хватало времени друг на друга.

Ли Жун поймал мизинец мужчины своим и потянул на себя. В этом жесте и в его взгляде, затуманенном негой, читалось явное приглашение. Цэнь Сяо сглотнул, рывком развернул кресло на сто восемьдесят градусов и притянул юношу к себе. Его ладонь накрыла руку Ли Жуна, согревая холодные пальцы, а затем он принялся медленно поглаживать его кожу.

Взгляд Цэнь Сяо потяжелел. Он опустил глаза, рассматривая плечи партнёра, и глухо спросил:

— С чего вдруг такой интерес к Священному Писанию?

Дыхание Ли Жуна сбилось, ресницы мелко затрепетали.

— Хэ Даюн помешан на этом. Он даже заставил Хэ Чанфэна носить крест. Чтобы понять, что у него в голове, мне нужно разобраться в догматах.

Цэнь Сяо почувствовал, как ноготь Ли Жуна озорно царапнул его ладонь, отчего дыхание стало тяжелее.

— И как вера сочетается у него с продажной совестью и жадной наживы?

Ли Жун опустил ноги на пол, но вместо того, чтобы встать, принялся дразнить Цэнь Сяо, касаясь его лодыжек своими.

— Помнишь... моя бабушка тоже верила. И из страха перед Богом она в жизни не совершила ни одного дурного поступка. Но именно поэтому ей было жизненно необходимо убедить себя: мои родители наверняка в чём-то согрешили или не искупили вину прошлой жизни, раз с ними такое случилось. Иначе... иначе всё её мироустройство просто рухнуло бы. Она не смогла бы верить дальше.

Цэнь Сяо смотрел на белые ступни Ли Жуна, ощущая, как внутри всё плавится от этого заигрывания.

— В веру часто приходят за опорой, — хрипло отозвался он. — Твоей бабушке нужен был духовный стержень. Но чего ищет Хэ Даюн?

За последний год Ли Жун окреп. Его кожа светилась здоровьем, а в каждом движении чувствовалась грация.

— Он ищет искупления. Он грешит и кается, совершает преступление и тут же исповедуется. Он пытается нащупать баланс, надеясь, что молитвы перевесят злодеяния. Конечно, это самообман. А крест на шее сына — это попытка отвести беду от потомков. Он надеется, что Хэ Чанфэн будет в безопасности.

Цэнь Сяо задумчиво перебирал шелковистые пряди волос Ли Жуна, наматывая их на палец.

— Обычный эгоизм. Хочет и богатство стяжать, и расплаты избежать — даже той, что воображает сам.

Ли Жун сглотнул, чувствуя, как напрягаются мышцы шеи. Его взгляд скользнул к пуговицам на рубашке собеседника.

— Помнишь рисунки на таблетках «Юаньхэшэна»?

Цэнь Сяо почувствовал, как пальцы Ли Жуна покинули его ладонь и скользнули к его воротнику.

— Помню. Что ты выяснил?

Ли Жун торжествующе улыбнулся.

— В «Откровении» белая лошадь символизирует чистоту и победу, рыжая означает кровопролитие и войну, вороняя — грядущие бедствия, а серая указывает на смерть. На упаковках Ху Цицзяна одна лошадь была белой, а другая — серой. Нам остаётся только дождаться результатов экспертизы, чтобы сравнить эффект двух видов лекарств.

Человек с верой, даже совершая зло, подсознательно ищет лазейку, возможность оправдаться перед Богом. У Хэ Даюна не было никакой технической необходимости менять маркировку таблеток — это лишние траты. Но без этого он, вероятно, не мог спокойно спать.

Ему нужно было успокоить себя. Он наверняка думал: «Я ведь оставил подсказку. Если пациент будет внимателен и купит только белый "Юаньхэшэн", с ним всё будет в порядке».

Цэнь Сяо замер.

— Вот почему состояние пациентов было таким нестабильным. То лекарство помогало, то даже три таблетки оказывались бесполезными.

Ли Жун откинул голову назад, глядя на Цэнь Сяо затуманенным взглядом.

— Пока это лишь догадка. Нужно дождаться цифр из лаборатории.

Цэнь Сяо приподнял бровь, и в его глазах вспыхнуло изумление.

— Ты прочитал весь Новый Завет только ради того, чтобы разгадать тайну рисунка?

Ли Жун невинно моргнул.

— Пришлось потрудиться, признаю.

Цэнь Сяо охватило жгучее восхищение. Ли Жун был поразительно умен, проницателен и остр — от образа мыслей до кончиков волос он был совершенством. Именно в этот ум Цэнь Сяо влюбился когда-то с первого взгляда. Никто в этом мире не заслуживал его преданности так, как этот юноша.

Голос Цэнь Сяо стал низким, а дыхание — прерывистым.

— Обсуждать рабочие моменты во время прелюдии... Весьма необычный опыт для периода аврала.

Ли Жун прищурился, и в его глазах заплясали дьявольские искорки.

— Ты ведь знаешь, что это и есть наше свидание.

Интеллектуальная близость в сочетании с физическим влечением дарила им ни с чем не сравнимое наслаждение. С того самого мгновения, как Цэнь Сяо обнял его, каждое слово Ли Жуну беззвучно провозглашало:

«Я достоин того, чтобы ты был мной одержим».